

18+

ДМИТРИЙ ГОЛЯКОВ

Пчеловод

ДЕДОВА ВОЙНА

Дмитрий Голяков

Пчеловод. Дедова война

«Издательские решения»

Голяков Д.

Пчеловод. Дедова война / Д. Голяков — «Издательские решения»,

Дима находит дедову тетрадь — фронтовой дневник Ивана Голякова, прошедшего Великую Отечественную. В пожелтевших записях — отступление, Сталинград, Днепр. И строки о бойце, похожем на внука, который спасал от смерти. Дима понимает: он должен быть там. В сорок втором, на переправе через Дон. Там, где решается судьба его рода. «Дедова война» — третья книга цикла «Пчеловод». История о том, как прошлое отзывается в настоящем, а любовь сильнее времени.

© Голяков Д.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Подвал	6
Глава 1. Пропал без вести	12
Глава 2. Две линии рода	16
Глава 3. Граница времени	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пчеловод Дедова война

Дмитрий Голяков

© Дмитрий Голяков, 2026

ISBN 978-5-0070-7494-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга

Посвящается моему деду, прошедшему войну, и моему брату, ушедшему слишком рано

Пролог. Подвал

Город встретил его привычной серостью. Октябрьское небо нависало над пятиэтажками сырой ватой, моросил мелкий дождь, и лужи на асфальте пузырились под редкими каплями. Дима припарковал пикап у знакомого подъезда, заглушил двигатель и несколько минут сидел, глядя на облезлую панель дома напротив.

Здесь ничего не менялось. Те же покосившиеся скамейки у подъезда, те же гаражи-ракушки, тот же запах мокрой листвы и выхлопных газов. Только мать стала старше, и визиты к ней теперь всегда отдавали грустью — напоминанием о том, что время неумолимо.

Дима вышел из машины, хлопнул дверцей и зашагал к подъезду. В руке — пакет с продуктами, которые мать просила привезти: хлеб, молоко, немного колбасы к чаю. Деля осталась в Погорелке, сторожить дом и пасеку. Иришка, хоть и взрослая уже, семнадцать лет, а всё равно скучала без отца, но сегодня у неё были дела в школе.

На первом этаже пахло кошками и жареной картошкой — вечный запах советских пятиэтажек, въевшийся в стены намертво. Дима позвонил. Мать открыла не сразу — шаркающие шаги, возня с замком, и вот она на пороге: маленькая, седая, в тёплой кофте поверх ночной рубашки, хотя на часах только полдень.

— Димка, сынок, — она обняла его, прижалась щекой к груди. — Приехал всё-таки. А я уж думала, ты опять занят.

— Занят, мам, — Дима чмокнул её в макушку, пахнущую чем-то домашним, знакомым с детства. — Но для тебя всегда время найду. Держи, тут продукты.

— Ой, да зачем ты, — запричитала мать, принимая пакет. — У меня всё есть. Проходи, проходи, я как раз пирожков напекла.

Квартира была всё та же — трехкомнатная «хрущёвка», где прошло его детство, где жил отец, потом брат Андрей, а теперь осталась одна мать. Дима прошёл в комнату, сел на старый диван, который помнил ещё деда. На стенах — фотографии в рамках: отец, мать молодая, Андрей в школьной форме, и дед Иван — суровый, в пиджаке с медалями.

— Ты как, мам? — спросил Дима, принимая из рук матери кружку с чаем и тарелку с пирожками.

— Да ничего, живу помаленьку, — она присела рядом, погладила его по руке. — Соседка заходит, продукты помогает таскать. А вчера в подвал лазила, думала банки с огурцами достать, а там...

Она махнула рукой.

— Что там?

— Да кладовка наша, дедова. Я ж туда лет двадцать не заглядывала. Всё думала разобрать, да руки не доходят. А вчера полезла — а там мыши, кажется, завелись. Погрызли что-то. Ты бы, сынок, глянул, а? А то я одна боюсь, старая уже, а ну как упаду там.

Дима откусил пирожок, задумался. В подвал он не спускался много лет. С детства помнил эту кладовку — небольшой отсек в общем подвале, отгороженный дощатой дверью, где хранилось всё, что жалко выбросить: старые лыжи, ржавые инструменты, банки с закрутками, и дедовы вещи. После смерти деда Ивана мать так и не решилась выкинуть его барахло — и правильно сделала.

— Хорошо, мам, — сказал Дима. — Схожу, посмотрю. Может, и правда порядок навести надо.

Он допил чай, надел куртку, взял у матери фонарик и ключ от кладовки — большой, старый, с облупившейся краской.

— Ты осторожней там, — напутствовала мать. — Темно, ступеньки скользкие.

Подвал встретил его запахом сырости, мышиного помёта и старого дерева. Лампочки на лестнице давно перегорели, и только тусклый свет из подъездного окна освещал бетонные ступени. Дима включил фонарик, луч упёрся в обшарпанные стены с пятнами плесени.

Он спустился медленно, прислушиваясь. Где-то в глубине капала вода, шуршало — то ли мыши, то ли просто старые трубы. Наконец, длинный коридор, уставленный ящиками и старыми велосипедами, привёл к нужной двери.

Замок поддался не сразу — пришлось побрызгать WD-40, которой Дима всегда возил с собой в машине. Дверь со скрипом открылась, и луч фонаря выхватил из темноты небольшое помещение, заваленное хламом.

Дима вошёл, огляделся. Вдоль стен — полки с банками, запylёнными до черноты. В углу — старый сундук, оббитый железом. Рядом — велосипед без колёс, связка лыжных палок, какие-то ящики с инструментами. Над всем этим — паутина, густая, как марля.

Он начал с сундука. Крышка поддалась с трудом, изнутри пахло нафталином и чем-то ещё, неуловимо знакомым — детством, что ли? В сундуке лежали старые вещи деда: китель, гимнастёрка, парадные брюки, бережно сложенные и пересыпанные таблетками от моли. Под ними — коробка из-под обуви, перевязанная бечёвкой.

Дима достал коробку, сдул пыль. На крышке — надпись дедовым, корявым почерком: «Бумаги. Война».

Сердце ёкнуло. Он аккуратно развязал бечёвку, открыл коробку. Сверху лежали пожелтевшие фотографии: дед молодой, в форме, с товарищами; дед с какой-то девушкой (бабушка?); дед у разбитой машины. А под фотографиями — толстая тетрадь в коленкоровой обложке, потрёпанная, с засаленными уголками.

Дима сел на стоящий рядом ящик, положил тетрадь на колени. Открыл первую страницу. Мелким, но разборчивым почерком было выведено:

«Красноармеец Иван Васильевич Голяков. Начато в 1942 году»

Дальше шли строчки, которые он уже читал когда-то? Нет, не читал. Мать никогда не показывала. Дед при жизни не любил рассказывать о войне — отмахивался, говорил: «Чего там вспоминать, одна кровь да грязь».

Дима начал читать.

«В армию я попал в ноябре 1939 года. С Кондопоги нас эшелонам направили в станицу Хреновая Воронежской области, где славился конный завод орловских рысаков. Я попал служить в артиллерийский полк 45-мм пушек. Поскольку образование у меня было семиклассное, меня сразу зачислили в полковую школу учиться на младшего командира. Там пробыл я с месяц, и меня поставили вместо демобилизовавшегося шофёра на машины ЗИС-5 и ГАЗ-АА (полуторку)...»

Луч фонаря дрожал в руке. Дима читал, и строки оживали. Он видел молодого деда, стоящего у грузовика, слышал гул моторов, чувствовал запах бензина и морозного воздуха. В подвале было сыро и холодно, но Дима этого не замечал — он был там, вместе с дедом, в далёком 39-м.

«А вскоре началась Финская война. Меня послали в город Орёл без машины. Там мне дали штабной автобус ЗИЛ-6 (трёхоску). Нас послали на погрузку, но в пути у меня на средней оси спустил скат. А мороз стоял лютый — 40 градусов. Пока менял скат, весь вспотел. Забежал на конюшню, напился холодной воды — и в путь, грузиться на платформы. В пути я заболел воспалением лёгких...»

Дима перевернул страницу. Читал дальше — про финскую, про госпиталь, про возвращение в часть. Потом — мирная жизнь, служба в Бердичеве, и вдруг:

«Воскресным днём 22 июня мы ремонтом не занимались, нас вывели на стадион в честь дня физкультурника. И вдруг объявили: война».

В подвале стало тихо. Только капала вода где-то в трубах. Дима сидел, не в силах оторваться от тетради.

«За мной была закреплена новая автомашина ГАЗ-АА, она стояла на колодках. Когда снял с колодок, оказалось, что спущено переднее правое колесо. Пока его менял, все наши уже уехали...»

Он читал страницу за страницей. Отступление, бомбёжки, гибель товарищей. Вот эпизод, от которого холодок пробежал по спине:

«В городе Ровно нам отдали приказ грузить боеприпасы. Мне дали взвод связи с катушками. Только подъехали к садам, как налетели немецкие самолёты и начали бомбить. Мы еле-еле вырвались оттуда. Склады немец разбомбил. Мы собрали колонну автомашин, гружённых цистернами с горючим, и поехали в сторону города Дубна, однако посреди пути нас встретили мессеримиты. На открытой местности мы ударили по ним из винтовок, но они развернулись и стали обстреливать автомашины. Цистерны с горючим загорелись. Я лежал в борозде, напротив меня лейтенант стрелял по врагам, лёжа на спине. По нему ударили три разрывные пули прямо в живот. Это было жуткое зрелище...»

Дима перевёл дух. В подвале становилось холодно, он уже не чувствовал пальцев, но остановиться не мог. Читал про ночёвку в Дубне вместе с немцами («Враги стояли с западной стороны, а мы — с востока»), про то, как комдив показывал вдаль: «Вон немцы. Они сейчас стрелять не будут, у них обед». Про отступление до Харькова, про сожжённый Чернигов, про всё.

И вдруг — строчки, от которых сердце пропустило удар:

«И тут случилось странное. Мы попали под обстрел, я уже думал — всё, крышка. Спрятаться негде, только воронка от снаряда. Лежу, слышу — рядом кто-то есть. Поворачиваю голову, а там боец. Не из наших, форма странная, но наша, красноармейская. Глаза у него светились, как у кошки в темноте, золотым таким светом. Он на меня посмотрел, ничего не сказал, только рукой махнул — мол, лежи. И вдруг стрельба стихла. Немцы прошли мимо, в двух шагах, и не заметили. А когда я обернулся — бойца уже не было. Исчез, будто и не было. И следов на снегу — никаких. Я потом всю войну думал: кто это был? Ангел? Или померещилось? А лицо его я запомнил. Очень на меня похож, только моложе. Как сын или внук...»

Дима перечитал эти строки три раза. Руки дрожали. Он поднял голову, посмотрел на стену подвала, потом снова на тетрадь.

Похож на него. Как внук.

— Это я, — прошептал Дима в тишину. — Это же я, дед.

Он лихорадочно начал листать дальше, ища другие странные эпизоды. Нашёл:

«Потом, под Харьковом, когда нас прижали к реке, опять этот боец появился. Машина моя заглохла, мотор чихал, немцы уже рядом. И вдруг кто-то как крикнет из-за кустов: „Заводи!“ Я нажал — и завелась. Выскочил, а тот, кто крикнул, опять исчез. Мелькнул только в зеркале заднего вида. И опять лицо — моё, молодое».

И ещё:

«Когда малярией болел, лежал в землянке, чуть не помер. И приснился мне тот же боец. Дал мне в руку что-то сладкое, мёдом пахло. Проснулся — а в руке пусто, но сил прибавилось, и болезнь отступила».

Дима захлопнул тетрадь. Сидел, глядя в одну точку. В голове крутилось: дед видел его. В 42-м, несколько раз. Какой-то странный боец, похожий на него. Ангел-хранитель.

— Иришка, — вспомнил он слова дочери. — Она говорила: «Пчёлы знают, где граница времени». Она чувствует.

Он сунул тетрадь за пазуху, под куртку, подхватил коробку с фотографиями и быстро пошёл к выходу. В подвале вдруг стало душно, нечем дышать. Наверх, скорее наверх, к свету, к матери, к людям.

Мать встретила его на кухне, увидела бледное лицо, всплеснула руками:

— Димка, ты чего? Испугался там? Мыши? Я ж говорила, не ходи один.

— Всё нормально, мам, — Дима сел на табурет, положил перед собой тетрадь. — Смотри, что я нашёл. Дедовы записки о войне.

Мать подошла, надела очки, взяла тетрадь. Полистала, покачала головой:

— Ой, батюшки. А я и не знала, что он писал. Он при жизни никогда... Молчал всё. Только когда выпьет, бывало, обмолвится чем-то, и то нехотя.

Мать сидела напротив, подперев щеку ладонью, и смотрела, как Дима перелистывает пожелтевшие страницы. В кухне горел только один светильник над столом, и в его мягком свете лицо матери казалось удивительно молодым — будто время отступило назад, туда, где она ещё ждала с войны своего отца.

— Читай вслух, — попросила она. — Я ведь почти ничего не знаю. Он не рассказывал. Говорил: «Чего там вспоминать, одна кровь да грязь». А я и не настаивала. Молодые мы были, глупые. Думали, вся жизнь впереди, ещё успеем поговорить. А теперь... поздно.

Дима вздохнул, погладил её по руке.

— Не поздно, мам. Он в этих строчках — живой. Слышишь?

Он откашлялся и начал читать с того места, где остановился в подвале:

«В армию я попал в ноябре 1939 года. С Кондопоги нас эшелоном направили в станицу Хреновая Воронежской области, где славился конный завод орловских рысаков...»

Мать слушала, закрыв глаза. Иногда покачивала головой, иногда вздыхала, но не перебивала. Только когда Дима дочитал до эпизода с Финской войной и воспалением лёгких, она открыла глаза и сказала:

— А вот это я помню. Он рассказывал, как в госпитале лежал. Говорил, что мать его, всю войну молилась за него. И он выжил. Считал, что чудом.

— Может, и чудом, — осторожно сказал Дима. — Но дальше, мам, там такое...

Он перелистнул несколько страниц и продолжил читать про 22 июня 1941 года, про стадион, про внезапное объявление войны. Мать слушала, и по щекам её текли слёзы — она их не вытирала.

— Я родилась в пятьдесят девятом, — сказала она тихо. — А его увидела впервые в конце семидесятых. Он работал на заводе, водителем. Я его помню уже пожилым, с сединой, с больными руками — всю жизнь за рулём, на холоде, на жаре. А тут он молодой... Страшно подумать, через что он прошёл.

Дима читал дальше. Про отступление, про бомбёжки, про то, как горели цистерны с горючим и как лейтенанта разорвало пулями прямо на глазах. Мать слушала и молчала, только руки её, лежавшие на столе, сжимались в кулаки.

— А вот тут, — Дима остановился на полуслове, — тут он пишет про странное. Про бойца, похожего на него.

Он прочитал эпизод про «вестника», про то, как незнакомец спас деда в самые страшные минуты.

Мать подняла на него глаза — в них был не страх, а понимание.

— Ты думаешь, это ты? — спросила она прямо.

Дима помолчал.

— Думаю, да, мам. Я должен пойти туда.

Она не удивилась. Только кивнула, будто ждала этих слов.

— Я знала, — сказала она. — Когда ты маленький был, ты часто говорил странное. Про «другую войну», про «деда в окопе». Мы с отцом думали — фантазии, детство. А теперь... теперь я понимаю.

Она встала, подошла к старому серванту, достала с полки небольшую иконку в медном окладе — Богородицу с младенцем.

— Это его, дедово. Он с ней всю войну прошёл. Говорил, спасала. Возьми с собой.

Дима взял иконку, повертел в руках. Тяжёлая, старая, с потёртым ликом.

— Он бы хотел, чтобы она у тебя была, — сказала мать. — Ты теперь его продолжение.

Они сидели до глубокой ночи, читали и перечитывали тетрадь. Мать вспоминала то, что дед рассказывал при жизни — мало, отрывочно, но теперь эти обрывки складывались в единую картину.

— А знаешь, — сказала она под утро, когда за окном начало светать, — он ведь после войны никогда мёд не ел. Говорил, что на войне им наелся. А мы удивлялись — откуда на войне мёд? Теперь знаю.

— Можно я это заберу, мам? Почитаю как следует. Дома, в Погорелке.

— Забирай, конечно. Это теперь твоё. Ты у нас мужчина в роду остался.

Дима обнял мать, поцеловал в седую макушку. Ему не терпелось уехать, перечитать всё спокойно, показать Ирине, Иришке.

Всю дорогу до Погорелки он думал о деде, о войне, о странных строчках про «похожего бойца». А когда въехал в деревню, увидел на крыльце дома Иришку — рыжую, длинноногую, в джинсах и свитере, рядом с ней Малышка, уже старая, но всё такая же преданная.

— Папка! — закричала дочь, махая рукой. — Ты чего так долго? Я соскучилась!

Дима вышел из машины, обнял её, прижал к себе. Пахло от Иришки пчёлами и свежим хлебом — пекла, наверное, с матерью.

— И я соскучился, дочка. Где мама?

— На пасеке. Скажи, что нашёл?

Дима улыбнулся. Ничего не скроешь от этой девочки.

— Нашёл, — сказал он, достав из-за пазухи тетрадь. — Дедовы записки. Там такое... Сам не пойму пока.

Иришка взяла тетрадь, провела ладонью по обложке, и вдруг вздрогнула. Глаза её расширились, стали золотистыми, как у пчёл.

— Пап, — выдохнула она. — Он тебя звал. Дед. Он не знал, но писал тебе. Через кровь и страх. Я вижу... вижу поле, взрывы... и лицо молодое, на тебя похожее.

Дима обнял дочь крепче.

— Пойдём в дом, — сказал он. — Всё расскажу.

Вечером, когда Ирина вернулась с пасеки, они сидели втроём за столом, читали тетрадь вслух. Иришка то и дело вставляла: «А вот тут он испугался, а вот тут злость была, а тут — надежда». Она чувствовала то, что не было написано, — эмоции, запахи, боль.

«...И вдруг откуда ни возьмись наш танк Т-34! Он расстрелял оба танка, как нечего делать, и спас меня...»

«...Под Кривым Рогом его подбили немцы. Когда мы выбили немцев с этой территории, нашли этот экипаж. Все танкисты были зверски зарезаны, а на спинах у них были вырезаны звёзды. Жуткая картина...»

«...Войну я окончил в городе Будапеште».

Ирина отложила тетрадь, посмотрела на мужа.

— Ты понял, да? — спросила она тихо. — Про того бойца.

— Понял, — кивнул Дима. — Дед видел меня. Я должен пойти туда.

Иришка вскочила:

— Я с тобой!

— Нет, — Дима покачал головой. — Ты останешься здесь. С мамой. Будешь беречь пасеку и границу. А я... я пойду по следам деда. Подстрахую его там, где нужно. Чтобы он выжил. Чтобы родился мой отец. Чтобы всё было.

Ночью, когда Иришка уснула, Дима вышел на крыльцо. Луна светила ярко, заливая двор серебром. Из леса доносился ровный гул — граница времени, которую он чувствовал теперь особенно остро.

Андрей пришёл неслышно. Сел рядом на ступеньку, положил холодную прозрачную руку на плечо брата.

— Ты решился, — сказал он.

— Решился, — ответил Дима. — Ты поможешь?

— Я всегда рядом, брат. Я проведу тебя до той границы, где время становится зыбким. А дальше ты сам. И помни: ты не можешь изменить всё. Только те моменты, которые уже были изменены. Дед видел тебя, значит, ты уже там был. Круг замкнут. Тебе просто нужно его пройти.

Дима кивнул, глядя на звёзды.

— Спасибо, Андрей.

— Иди, брат. Я посторожу твой дом.

Они сидели молча до рассвета, а когда небо на востоке порозовело, Дима встал, пошёл в дом, поцеловал спящих Ирину и Иришку, взял вещмешок с банкой мёда, ножом и дедовой тетрадью, и направился к лесу.

Там, за пасекой, где гудела граница, начиналась его война.

Глава 1. Пропал без вести

Первый день после возвращения из города пролетел как в тумане. Дима то брал в руки тетрадь, перечитывал отдельные строки, то откладывал, выходил на крыльцо, смотрел на лес, и снова возвращался к записям. Ирина не мешала, только ставила перед ним кружку с чаем, пододвигала тарелку с едой — ешь, мол, сил набирайся.

Иришка в школе была, но после уроков прибежала, села рядом, положила голову отцу на плечо.

— Расскажи, — попросила она. — Что ты там нашёл, в тетради?

Дима вздохнул, погладил дочь по рыжим волосам.

— Войну, дочка. Целую войну. Дед мой, Иван, прошёл её от первого до последнего дня. Водил машины, чинил их, под бомбёжки попадал, в окружения, чуть не расстреляли свои, а он выжил. И всё это записал.

— А про того бойца? — Иришка подняла глаза. — Про похожего?

Дима кивнул.

— И про него. Несколько раз он его видел. В самые страшные минуты. Как ангела-хранителя.

— Это ты, пап, — просто сказала Иришка. — Ты и есть тот боец. Я чувствую.

Дима обнял её крепче.

— Знаю, дочка. Теперь знаю.

Они сидели так долго, пока не стемнело. Пчёлы улеглись спать, только редкие одиночки ещё кружили над ульями, не решаясь залетать в темноту. Ирина вышла на крыльцо, села рядом, и они втроём молчали, думая каждый о своём.

Ночью Дима снова читал. Фонарик освещал страницы, исписанные дедовым почерком. Буквы плясали перед глазами, но он не мог оторваться.

«...И снова нас отправили на формировку на станцию Рассказово Тамбовской области. Формировались три месяца. Потом получили технику и поехали в город Купенск, на Белгородском направлении. Шли с боями, ремонтировали технику на 30-градусном морозе, хотя уже была весна. Немец опять начал наступать, он пошёл на нас со стороны Изюма — Барвенкова, то есть стал теснить нас на юг, пытаясь отрезать и взять в кольцо. Но мы прорвались с боями в сторону Лисок — Острогоржска. Там внезапно напоролись на немецкий десант, но нас спасли наши танки Т-34...»

Дима представил эту картину: мороз, грязь, разбитые дороги, полуторки, увязающие в снегу, и в небе — немецкие самолёты. И молодой дед, в ватнике, с обветренным лицом, сидит за рулём, ведёт машину, зная, что каждый километр может стать последним.

«...Летом отступали через Дон. На переправе нас не пускал генерал-майор, пропускал только подводы с конной тягой, а мост постоянно бомбили противотанковыми снарядами. Они рвались в воздухе с такой силой, что на земле даже косило траву, не только людей. Мы просили разрешения проехать, а он всё не пускал нас на понтоны. Возможно даже, что он работал на немцев, мы этого не знали. И тут подъехала группа автоматчиков. Он и их не пропустил, даже грозил расстрелять шофёра. Тогда автоматчики застрелили его, и мы на машинах прорвались...»

Дима перевернул страницу. Дальше шло про Сталинград.

«...Немцы не сбавляли натиска, и вот они уже под Сталинградом. С танками было плохо. Подполковник Сунсяк ночью пускал по переднему краю трактора и тягачи, чтобы создать для немцев видимость, что у нас прибыли танки. Помню, нас послали прорывать вражескую оборону со стороны станции Котлубань. Погрузили мы пехоту, дали нам в сопровождение американские танки. Впереди поехали „катюши“, началось наступление. И тут поднялся такой артобстрел, что, казалось, смешались земля и небо. Моя машина сгорела, как я сам уцелел в этой мясорубке, не знаю. Кое-как выбрался и опять пришёл в свою роту...»

Дима закрыл глаза. Он слышал этот артобстрел, чувствовал запах гари, видел, как горит машина деда. И вдруг понял: он должен быть там. Не чтобы изменить историю — она уже изменена, дед выжил. Но чтобы пройти этот путь вместе с ним. Чтобы понять, откуда взялась их родовая сила. Чтобы отдать долг.

Он открыл глаза и продолжил читать.

«...За оборону Сталинграда меня наградили медалью. Бригаду нашу расформировали, меня направили на Миусс, где на ГАЗ-АА меня взял капитан Крючков. Когда брали Сапун-гору, немцы здорово сопротивлялись. Сколько там погубили танков, не передать! А в пехоте были всё сплошь жители Средней Азии, по-русски понимали плохо. Кого-либо из них убьют, они соберутся в круг и давай отпевать. А немцы по ним из миномёта! Насилу объяснили им, что на войне так нельзя...»

И дальше — самое страшное, что он уже читал при Иришке, но теперь вник глубже:

«...Под Кривым Рогом его подбили немцы. Когда мы выбили немцев с этой территории, нашли этот экипаж. Все танкисты были зверски зарезаны, а на спинах у них были вырезаны звёзды. Жуткая картина».

Дима отложил тетрадь. Встал, подошёл к окну. За окном было темно, только луна освещала верхушки деревьев. Он думал о тех танкистах, о миллионах таких же, как они, — без вести пропавших, замученных, сожжённых в танках. И о деде, который всё это видел, пережил и сумел остаться человеком.

Утром его разбудила Ирина.

— Дим, там к тебе Егорка пришёл. Говорит, срочное дело.

Дима умылся холодной водой, вышел на крыльцо. Егорка, уже семнадцатилетний парень, крепкий, широкоплечий, стоял у калитки, переминаясь с ноги на ногу.

— Здорово, дядь Дим, — сказал он. — У меня там пчёлы роятся, не пойму что-то. Иришка посоветовала к вам прийти.

Дима усмехнулся. Пчёлы у Егорки — это хорошо. Значит, парень вливается в дело.

— Пошли, глянем.

Они пошли к дому Егорки, который стоял через два участка от диминого. По дороге Егорка спросил:

— Слышал, вы дедовы записки нашли? Иришка рассказывала.

— Нашли, — кивнул Дима. — Война. Страшные вещи пишет дед.

— А про то, как его спасал кто-то? — Егорка покосился на Диму. — Иришка говорила, что это вы были.

Дима остановился, посмотрел на парня.

— Много она болтает. Но да, похоже на то. Я должен пойти туда, Егор. В прошлое.

Егорка присвистнул.

— Ничего себе. А можно с вами?

— Нельзя, — отрезал Дима. — Это только моё. Родовая линия. Ты здесь нужен. Присмотришься за Иришкой, за пасекой, если что.

Егорка вздохнул, но спорить не стал.

Пчёл осмотрели быстро — обычное роение, ничего страшного. Дима показал Егорке, как правильно поймать рой, как перенести в улей. Парень слушал внимательно, запоминал.

— Ты способный, — похвалил Дима. — Бабка Нюра не зря тебя учила.

— Спасибо, — Егорка улыбнулся. — Я стараюсь.

Вернувшись домой, Дима застал Иришку за чтением тетради. Она сидела на крыльце, поджав ноги, и водила пальцем по строчкам. Малышка лежала рядом, положив голову ей на колени.

— Читаешь? — спросил Дима, садясь рядом.

— Угу, — Иришка не отрывалась. — Вот тут, слушай:

«...Из военных воспоминаний больше всего врезались в память именно нелепые смерти, бесчеловечные. Снаряды и пули меня миловали, зато на войне я заболел малярией. Ох и здорово же меня трепало! Хорошо, что капитан Крючков умел водить машину и, когда нас послали на формировку в Тамбов, капитан Крючков вылечил меня от малярии старым дедовским способом. Велел достать два яйца, пять зубцов чеснока и 150 граммов водки. Чеснок заставил растолочь, всё смешать, выпить, когда начнётся малярийный приступ, и не лежать. Я последовал его совету. Голова после этого „лекарства“ болела так, что я думал, она на части развалится, но потом всё прошло. И больше приступы меня не мучили, хотя до этого болел два лета...»

— Представляешь, пап? — Иришка подняла глаза. — Война, а люди лечились такими способами. И выживали.

— Выживали, — согласился Дима. — Потому что жить хотели. И потому что верили.

Иришка помолчала, потом спросила:

— Ты скоро пойдёшь?

— Скоро, дочка. Как только всё обдумаю и подготовлюсь.

— Я боюсь за тебя.

— Не бойся. Я вернусь. Дед меня видел, значит, всё будет хорошо.

Иришка обняла его, прижалась крепко-крепко.

— Я тебя люблю, пап.

— И я тебя, дочка. Очень люблю.

Они сидели на крыльце, обнявшись, пока солнце не село за лес. А когда стемнело, Дима снова взял тетрадь и продолжил читать — готовясь к встрече с прошлым, с дедом, с войной.

Ночью Иришке приснился сон.

Она стояла на краю огромного поля, залитого солнцем. Вдалеке виднелся лес, а перед ним — странные машины, похожие на те, что она видела в фильмах про войну. Полуторки, танки, пушки. И люди — много людей, в серых шинелях, с усталыми лицами.

Она пошла по полю, и трава не приминалась под её ногами — будто она шла не по земле, а над ней. Люди не замечали её, проходили сквозь, и она чувствовала их мысли, их страх, их надежду.

Потом она увидела его. Молодой солдат, очень похожий на отца, сидел на подножке грузовика и чистил автомат. Лицо у него было закопчённое, усталое, но глаза — живые, золотистые, как у неё самой.

— Ты кто? — спросила Иришка, хотя уже знала ответ.

Солдат поднял голову, посмотрел прямо на неё — и улыбнулся.

— А ты не узнаёшь? Я — твой прадед. Иван.

Она подошла ближе, присела рядом. От него пахло порохом, машинным маслом и ещё чем-то знакомым — мёдом.

— Ты меня видишь? — удивилась она.

— Вижу, — кивнул он. — Ты же из рода. Вы все меня видите, когда надо. И ты, и твой отец, и Андрей.

— Дядя Андрей...

— Он здесь, рядом. Помогает нам, провожает тех, кто уходит.

Иван отложил автомат, посмотрел на неё внимательно.

— Ты сильная, — сказал он. — Очень сильная. Сильнее отца. Ты должна беречь его там, в будущем, пока он здесь. Поняла?

— Поняла, — кивнула Иришка.

— И ещё. — Иван достал из-за пазухи маленький предмет, протянул ей. — Возьми. Это тебе.

Это была фотография. Маленькая, потёртая, на ней — молодой солдат и девушка с ребёнком на руках.

— Это я, — сказал Иван. — И твоя прабабка, и твой дед — маленький. Сохрани. Когда-нибудь расскажешь им.

Иришка взяла фото, и в ту же секунду всё исчезло — поле, солдат, машины. Осталась только темнота и гул — пчелиный, родной.

Она проснулась.

В руке ничего не было, но на подушке лежал маленький жёлтый листок — откуда-то из тетради, вырванный. На нём было написано корявым почерком:

«Рыжей внучке. Храни род»

Иришка сжала листок в кулаке и заплакала — от счастья, от гордости, от любви к человеку, которого никогда не видела живым.

Утром она показала листок отцу. Дима долго смотрел на него, потом обнял дочь.

— Он с тобой, — сказал он. — Всегда.

Глава 2. Две линии рода

На третий день после возвращения из города Дима заметил странное поведение пчёл.

Ульи гудели не так, как обычно. Гул был нервным, прерывистым, будто пчёлы переговаривались на повышенных тонах. Некоторые из них кружили над ульями, не залетая внутрь, другие, наоборот, сидели на прилётных досках и не двигались.

— Что с ними? — спросил он у Ирины.

Она подошла к ближайшему улью, приложила ладонь к стенке, прислушалась.

— Чуют, — сказала она. — Время готовится открыться. Они всегда так — за несколько дней до сильного события начинают беспокоиться.

— А сколько дней?

— Дня три-четыре. Не больше.

Дима оглядел пасеку. Двадцать ульев, тысячи пчёл — и все они знают то, чего не знает он.

— Они покажут дорогу? — спросил он.

— Они будут с тобой, — ответила Ирина. — Не все, конечно, но несколько самых сильных пойдут за тобой. Будут невидимы для других, но ты их почувствуешь.

В подтверждение её слов из летка одного улья вылетела крупная пчела, покружила над Димой и села ему на плечо. Она была чуть больше остальных, с золотистым отливом на спинке.

— Это из свиты матки, — улыбнулась Ирина. — Самая умная. Она поведёт остальных.

Дима осторожно тронул пчелу пальцем. Она не улетела, только пошевелила крыльями и замерла.

Весь следующий день пчёлы вели себя необычно. Они кружили над домом, над крыльцом, над тропинкой, ведущей в лес. Будто прокладывали маршрут, проверяли дорогу.

К вечеру Иришка вышла на крыльцо с банкой мёда в руках. Она набрала полную ложку и выплеснула в воздух. Пчёлы набросились на мёд, съели его в считанные секунды, и гул их стал ровным, спокойным.

— Что ты сделала? — спросил Дима.

— Покормила, — ответила дочь. — Они голодные перед дорогой. Им силы нужны.

— Откуда ты знаешь?

— Они сказали.

Иришка говорила это так просто, будто речь шла о погоде или о планах на завтра. Дима посмотрел на неё и в который раз подумал: какой же дар у этой девочки. Сильнее, чем у него, сильнее, чем у Ирины. Настоящая Пчелиная царица.

Ночью они не спали. Сидели на крыльце втроём — Дима, Ирина, Иришка — и слушали гул пасеки. Пчёлы не успокаивались, гудели всю ночь, и в этом гуле слышалась тревога, и надежда, и обещание.

— Завтра, — сказала Ирина, когда небо на востоке начало светлеть. — Завтра время откроется.

Дима кивнул.

Он был готов.

Утро следующего дня Дима решил посвятить пасеке. Работы было много: надо было проверить ульи после лета, подготовить их к зимовке, перебрать рамки, откачать остатки мёда. Ирина хлопотала на огороде, Иришка ушла в школу, и Дима остался один на один с пчёлами.

Он любил это время. Тишина, только гул крыльев да шорох листвы. Пчёлы знали его, не жалили, садились на плечи, на руки, будто здоровались. Дима разговаривал с ними, как когда-то дед Николай.

— Ну что, трудяги, — говорил он, открывая улей. — Показывайте, что у вас тут.

Пчёлы гудели ровно, спокойно. Мёда было много — соты ломились от янтарных капель. Дима аккуратно вынимал рамки, смахивал пчёл специальной щёткой, складывал в переносной ящик. Работа успокаивала, давала возможность думать.

Он думал о деде Иване. Городской житель, водитель, прошедший войну от звонка до звонка. Никогда не говорил о пчёлах, о магии, о границе. Его мир был другим — мир машин, дорог, приказов и отступлений. Но в самые страшные минуты он видел того самого бойца, похожего на внука. Значит, и его коснулось что-то большее.

А дед Николай — деревенский пчеловод, Хранитель границы. Он передал Диме пасеку, научил чувствовать пчёл, оставил тетради с заговорами и наблюдениями. Две линии рода, две судьбы, и обе сошлись в нём, Диме.

— Две линии, — вслух сказал он, глядя на улы. — Одна — война, другая — мир. Одна — город, другая — деревня. И обе — сила.

После обеда он достал из рюкзака тетрадь деда Ивана и снова углубился в чтение. Теперь он искал конкретные эпизоды, где мог бы вмешаться.

«...В городе Дубне мы ночевали вместе с немцами. Враги стояли с западной стороны, а мы — с востока. Утром они нас обстреляли из пулемётов и миномётов. А у нас — одна пехота, у танков всё горячее вышло. Пришлось нам драпать, так как немцы пустили на нас танки и бронетранспортёры. Нас встретил командир дивизии с танками БТ-70. Он приказал мне разгрузить катушки связи в лесу, а самому с его адъютантом ехать налаживать связь с соседней дивизией. Мы с ним проезжали мимо леса по пригорку, и он мне показал вдаль: „Вон немцы. Они сейчас стрелять не будут, у них обед. Они строго соблюдают все правила“, — пояснил он. Немцы есть немцы: для них война войной, но обед по расписанию...»

Дима усмехнулся. Немецкий порядок даже на войне. Это можно использовать. Дальше шёл эпизод, который он уже читал, про похожего бойца. И ещё:

«...После очередного госпиталя нас, группу из 34 человек, погрузили в поезд и отправили на передовую. Доехали мы до Николаева: дальше поезда не шли. Мост через реку Буг был взорван, и мы пошли пешком до Одессы 120 километров. Наша задача была делать по 30 километров в день. Но мы не торопились, останавливались на ночёвку у солдаток. До Одессы шли месяц...»

Остановки у солдаток — это человеческое, тёплое среди ужаса войны. Дима представил деда, молодого, в гимнастёрке, пьющего чай в какой-нибудь хате, и на душе стало светлее.

Вечером пришла Ирина с огорода, уставшая, с полным подолом помидоров.

— На, — сказала она, высыпая овощи на стол. — Будешь есть — мой сам. Я спать.

— Иди, отдыхай, — Дима поцеловал её. — Я тут ещё почитаю.

Ирина вздохнула, глядя на тетрадь.

— Ты не загоняйся, Дим. Всё будет хорошо. Ты сильный.

— Я знаю. Просто готовлюсь.

Она ушла в спальню, а Дима снова взялся за чтение.

«...С боями форсировали Дунай, взяли Кишинёв, прошли Румынию, Венгрию. Румыны, как народ, мне не понравились. Такое сложилось впечатление, что они только и знают, что на скрипке играть и попрошайничать. В Венгрии нас передали 4-му фронту. Присоединили к морякам, выдали морское обмундирование и двинули на Вену. За взятие Вены у меня тоже есть медаль. Войну я окончил в городе Будапеште».

Дима закрыл тетрадь. Последние строки звучали почти буднично, но за ними стояли годы ада, потерь, голода, холода и нечеловеческого напряжения. И дед выжил. Вернулся. Женился. Родил отца. И никогда не рассказывал об этом.

— Спасибо, дед, — прошептал Дима в темноту. — Я всё сделаю, чтобы ты прошёл этот путь до конца.

Ночью ему приснился сон. Он стоял на лесной дороге, засыпанной снегом. Вдалеке горела деревня, слышались выстрелы. Мимо пробежали солдаты в ватниках, кто-то кричал: «Немцы! Отходим!» И вдруг он увидел деда — молодого, в замасленной телогрейке, с закопчённым лицом. Тот сидел на подножке разбитой полуторки и смотрел прямо на Диму.

— Ты пришёл, — сказал дед. — Я знал, что придёшь. Жди меня у переправы. Там, где Дон.

Дима хотел ответить, но проснулся. Сердце колотилось, в ушах стоял гул — то ли пчелиный, то ли от сна. Он сел на кровати, посмотрел в окно. За окном светало.

— Дон, — повторил он. — Переправа. Значит, туда.

Он встал, оделся, вышел на крыльцо. Воздух был свежий, пахло осенью и мёдом. Из-за леса поднималось солнце, золотя верхушки деревьев.

Андрей сидел на ступеньке, как всегда, неслышно.

— Привет, брат, — сказал он.

— Привет, — Дима сел рядом. — Ты знаешь, куда мне идти?

— Знаю. Дон, переправа. 1942 год, лето. Там дед наш чуть не погиб. Автоматчики застрелили генерала, и они прорвались. Но без тебя бы не прорвались. Ты должен быть там.

— Я готов.

— Не совсем, — Андрей покачал головой. — Тебе нужна защита. Не только мёд, но и знак. Кровь рода.

— Какой знак?

— Дай мне руку.

Дима протянул руку. Андрей коснулся её — холодным, но ощутимым прикосновением — и на запястье Димы проявился тонкий золотистый ободок, похожий на пчелиные соты.

— Это метка, — пояснил Андрей. — Она свяжет тебя с дедом. Где бы он ни был, ты его почувствуешь. И он тебя — когда придёт время.

Дима посмотрел на запястье. Ободок светился слабо, но заметно.

— Спасибо, брат.

— Иди. Я с тобой.

Андрей исчез, а Дима ещё долго сидел на крыльце, глядя на восход и чувствуя, как время вокруг становится зыбким, готовым разверзнуться и унести его в прошлое.

Глава 3. Граница времени

Три дня ушло на подготовку. Дима перебрал всё снаряжение: вещмешок, фляга, нож, зажигалка, сухой паёк. Главное — мёд. Ирина настояла, чтобы он взял несколько банок, самых старых, с дедовой пасеки.

— Этот мёд помнит Николая, — говорила она. — Он хранит силу рода. Если что, намажьешь на виски — и время не сойдёт.

Иришка принесла от бабки Ньюры (той, что уже ушла, но вещи остались) заговорённую ладанку на шнурке.

— Надень, пап. Это от пули.

Дима надел. Ладанка пахла травами и воском.

Накануне ухода он ходил к границе в лесу. Постоял, послушал гул. Он был ровный, спокойный, будто время ждало его.

— Я готов, — сказал Дима вслух. — Принимай.

Гул чуть усилился, будто в ответ.

Вечером собрались всей семьёй. Ирина напекла пирогов, наварила супа. Ели молча, только Иришка изредка поглядывала на отца, и в глазах её стояли слёзы, которые она старательно прятала.

— Не плачь, дочка, — сказал Дима, обнимая её. — Я вернусь. Обязательно.

— Я знаю, пап. Просто... береги себя.

После ужина Дима взял вещмешок, тетрадь деда Ивана, банку мёда и вышел на крыльцо. Ирина и Иришка провожали его молча.

— Я люблю вас, — сказал он. — Ждите.

И пошёл к лесу.

Ночь была лунная, светлая. Тропинку к границе он знал наизусть. Пасека спала, только редкие ночные бабочки кружили над цветами. Дима шёл быстро, не оглядываясь.

За час до рассвета Дима подошёл к границе. Ирина и Иришка остались на крыльце — провожали взглядом. Пчёлы вились вокруг, провожая его до самого леса.

Он шёл по знакомой тропинке, слушая гул, который с каждым шагом становился громче. Воздух дрожал, будто перед грозой, хотя небо было чистым.

На границе, между двух сосен, его уже ждали.

Андрей стоял, прислонившись к дереву, и смотрел на восток. В прозрачном свете занимающегося дня он казался почти живым — только лёгкое свечение выдавало его природу.

— Пришёл, — сказал он, оборачиваясь. — Я знал, что придёшь.

— Ты обещал быть рядом.

— Я рядом. Всегда. Но там, куда ты идёшь, я смогу появляться только в самые критические моменты. Слишком много душ, слишком много смерти — меня будут отвлекать.

— Я справлюсь.

Андрей подошёл ближе, положил прозрачную руку на плечо брата.

— Ты сильный, Димон. Сильнее, чем думаешь. Но там, в прошлом, ты должен помнить одно: ты не можешь спасти всех. Даже если захочешь. Даже если будешь рядом. Некоторые должны уйти — так устроено время.

— А дед?

— Дед — другое. Он твой якорь. Пока он жив, ты есть. Но другие... другие будут гибнуть у тебя на глазах. Ты должен это выдержать.

Дима кивнул. Он знал это и без Андрея, но услышать от брата было легче.

— И ещё, — продолжал Андрей. — Иришка будет чувствовать тебя. Всегда. Если станет совсем плохо — мысленно позови её. Она услышит. И я услышу.

— Спасибо, брат.

— Не за что. Мы же одна кровь.

Они постояли молча, глядя, как солнце поднимается над лесом. Гул времени нарастал, воздух дрожал всё сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.